

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Ирина Градова

**ПОСЛЕДНИЙ
СЕКРЕТ**
Нарацелвса

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Рысухиной*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Sergey Novikov, creativesunday / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Градова, Ирина.

Г75 Последний секрет Парацельса / Ирина Градова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-112355-0

Бессмертие — извечная мечта человечества. Ближе всего к разгадке тайны продления жизни подошел Парацельс, врач и алхимик эпохи Возрождения. И в наши дни у него нашлись последователи... Врач анестезиолог Агния Смольская с головой погрузилась в приятные хлопоты: она выходит замуж за своего коллегу, хирурга Олега Шилова! Радость омрачают служебные неприятности Олега: он успешно провел операцию, но пациент все равно умер от внезапной гангрены. А вскоре его тело бесследно исчезло из больницы! Однако Шилов успел обнаружить кое-что интересное: по документам мужчина был гораздо старше, чем на самом деле. Неужели кто-то открыл вакцину вечной молодости и ставит с ней опасные эксперименты?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112355-0

Пролог

1538 год, Кольмар (Чехия)

Филипп с явным трудом приподнял ногу в массивном сапоге, сейчас показавшемся ему еще тяжелее, чем обычно. Черт, а ведь он еще не стар — всего сорока пяти лет от роду, — самый расцвет для мужчины! Говорят, что Филипп ведет невоздержанный образ жизни — ха, да что они понимают?! Вино помогает ему видеть вещи такими, какими они на самом деле и являются. Без прикрас. Благодаря вину и просветлению, которое оно вызывает, он написал немало книг, ставших сенсацией в научном мире. Он не верит в Бога? Ну, это, разумеется, серьезное обвинение, но, с другой стороны, как он может верить в то, чего не видел? А видел он чертовски много...

— Осторожней, мальчик! — взревел Филипп, когда маленький слуга дернул вверх слишком сильно и раздувшаяся кость на правой ноге причинила сильную боль.

Мальчишка сжался от страха и тут же принялся сыпать извинениями. Этот маленький ублюдок боится его вне всякого сомнения. Интересно, что ему рассказали про Филиппа — будто он колдун, способный наслать на парнишку порчу или, в самом лучшем случае, превратить в крысу?

Ученый вновь откинулся на спинку кресла с выражением удовлетворения на лице. Что ж, страх

обычно порождает уважение, а уважение почетно, независимо от того, чем вызвано, разве не так? Филипп никогда не заблуждался на свой счет: его мало кто любит. Однако он ведь и не ищет всенародной любви! Ему достаточно того, что имя Парацельса вызывает всплеск эмоций везде, где бы оно ни прозвучало. Кто-то его сторонится, кто-то откровенно побаивается, другие взирают ему вслед чуть ли не со священным трепетом. И имя он себе выбрал вполне подходящее — Парацельс, что значит «подобный Цельсу», знаменитому лекарю античности. Сын надзирательницы богадельни Бенедиктинского аббатства в Айнзидельне и сельского врача вряд ли мог рассчитывать на блестящую карьеру. Отец имел возможность обеспечить ему поступление в какой-нибудь университет, но вместо этого Филипп, взяв деньги, с трудом собранные родителями, отправился путешествовать. Разумеется, сын не предупредил никого о том, что в его планы не входило несколько лет корпеть над учебниками, внимая старым, глупым, закоснелым профессорам, которые дрожат над каждым словом старинных фолиантов. Нет, он не собирался тратить зря свою молодость.

Путешествуя по свету, Филипп прошел такую школу, какой не даст ни один университет мира! Он учился медицине у старух-знахарок, цирюльников, цыган и даже палачей. Последние, между прочим, вопреки расхожему мнению и всеобщей нелюбви, немало знают о человеческой физиологии. Он лечил богатых, бедных, мужчин и женщин; он первым по-настоящему занялся женскими болезнями, тогда как до того лишь ведьмы и повивальные бабки кое-как разбирались в этой сложной материи. Отсутствие диплома и ученой степени компенсировалось

нужными знакомствами, приобретенными благодаря умению врачевать. Филиппу удалось получить место профессора с хорошей оплатой в Базельском университете. Он снова столкнулся с отторжением коллег — потому что отрицал общепринятые подходы к медицине. Филипп написал множество научных трудов, но не на латыни, а на разговорном немецком языке, что являлось вопиющим нарушением университетских порядков.

Лечение, предложенное Филиппом, было эффективнее, чем действия его ученых коллег, но это вызывало лишь зависть и не давало признания! Его «Учение о сигнатуре», не имеющее аналогов, подвергалось резкой критике, как и большинство других трудов, а ведь именно он впервые использовал ртуть, серебро, сурьму и золото для лечения значительного числа заболеваний!

Да, опыт он ценил гораздо выше книжных знаний и всегда утверждал, что никто не может стать хорошим практикующим врачом, начитавшись одних только трудов известных предшественников. Филипп был успешен, и это страшно раздражало ученый мир любого города, куда бы он ни прибывал со своей миссией. Его травили, даже натравливали Церковь, но он, вместо того чтобы упасть духом и начать обороняться, вступая в бесконечную словесную полемику, в которой заведомо проигрывает, продолжал лечить пациентов, от которых отказались хулящие его ученые мужи, причем делал это абсолютно безвозмездно. Именно он, Филипп Парацельс, практически в одиночку справился со вспышкой чумы, используя собственный метод, в который не верил ни один другой врач, называя его «чистой воды профанацией, призванной способ-

ствовать лишь самоутверждению его, Парацельса, а не реальному излечению пациентов!»! Каждый успех Филиппа всегда воспринимался с недоверием и скепсисом, тогда как каждая неудача, напротив, вызвала бурю эмоций, всевозможных толков и «обсасывалась» конкурентами во всех подробностях...

Мальчик наконец закончил с сапогами и принес Филиппу медный таз и полотенце, чтобы тот мог умыться. Ученый сделал это с большой неохотой — сказывался долгий день, полный трудов. Интересно, что бы сказали его ученые соперники, узнав, что врачевание в последнее время занимало его мысли все меньше и меньше? Теперь Филиппа гораздо больше интересовала химия, точнее, алхимия. Работа с минералами, химическими соединениями и изучение их действия на человеческий организм позволяли Филиппу надеяться, что через некоторое время он доберется до самого главного, до того, что является первопричиной всякого заболевания. А значит, и до универсального средства излечения. Бессмертие — вот то, ради чего он работает, не обращая внимания на косые взгляды и презрение окружающих. И он, Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм Парацельс, узнает секрет, чего бы это ни стоило. И тогда никто не сможет отрицать его вклад в мировую науку и упрекать в том, что он — недоучка и выскочка.

Да, бессмертие... Оно чертовски пригодилось бы ему сейчас, когда тело словно разваливается на куски, отказываясь повиноваться!

Филипп вытер лицо тонким льняным полотенцем и, переваливаясь, как старый гусь, из-за непрекращающейся боли в суставах бедра и ступни, направился в подвал, куда не имел доступа ни один из его учеников и тем более слуг.

Мальчик, все еще стоявший с тазом и полотенцем в руках, знал, куда направляется его хозяин, и провожал его взглядом, полным благоговейного страха. У него ни разу даже мысли не возникло проникнуть в таинственный подвал и посмотреть, что же там происходит на самом деле, хотя возможность была: Парацельс не прятал ключи, они всегда висели на гвоздике над его кроватью. Но нет, пусть кто угодно проявляет любопытство, только не он: только сам Великий Колдун может безбоязненно входить и выходить в эту дверь!

Я всегда считала, что желание женщины устроить пышную свадьбу — всего лишь баловство, дорогостоящая блажь, которая посещает только молодых непрактичных невест. Они хотят зарегистрироваться не в местном загсе, а непременно во Дворце бракосочетания, желают самого лучшего фотографа, платье от известного дизайнера, лимузин и, разумеется, огромного количества приглашенных гостей, которые должны все это оценить — иначе к чему, спрашивается, траты и хлопоты? Мою свадьбу с первым мужем можно было назвать «студенческой»: мы тихо расписались, выпили шампанского с родителями и зажили семейной жизнью. Никаких свадебных атрибутов, включая платье, пошитое на заказ, а уж тем более свадебное путешествие, мы себе позволить не могли, тем более что я уже носила Дэна и через шесть месяцев собиралась рожать. Ажиотаж вокруг банального вступления в брак казался мне непонятной, более того, прямо-таки дурацкой затеей.

Но все это до того момента, пока мне самой не пришлось ответить «да» на предложение человека, которого я люблю. Я честно сопротивлялась, но, когда деваться было уже некуда, а отказ, скорее всего, повлек бы за собой разрыв, чего я ни в коем

случае не могла допустить, все мгновенно перевернулось с ног на голову и обрело смысл, ранее скрытый от меня завесой практичности и разумности. Я поняла, что тоже хочу всего: и гостей, и платья, и Дворца бракосочетания, а также свадебного путешествия... Даже куклу на капоте лимузина! То, что казалось мне беспричинной тратой времени и денег, теперь приобрело первостепенную важность. Я готова была сутками носиться по магазинам, ателье и ресторанам в поисках необходимого. Все вокруг считали меня сумасшедшей — и мама, и Шилов, и сын, — все, кроме моей любимой дорогой подруги Лариски. У Лариски никогда не было свадьбы — ни разу в жизни, зато имелись отличные девчонки от разных сожителей и неистребимая вера в то, что и на ее улице когда-нибудь случится праздник. Несмотря на страшную занятость — работа в трех зубоврачебных клиниках и забота о детях отнимали все ее время, — Лариска с готовностью согласилась помочь мне в хлопотах. Таким образом, мы по очереди крутились по городу в поисках необходимых свадебных атрибутов.

Такой важный процесс, как выбор свадебного наряда, Лариска просто не могла доверить мне одной. Поэтому сегодня, встретившись после работы, мы на Ларискиной машине объездили добрых полдюжины салонов для новобрачных, пытаюсь подобрать подходящее платье. Подруга настаивала на том, что я непременно должна быть в белом, но я возражала: работая врачом-анестезиологом, я вынуждена носить белое каждый день, к тому же мне уже далеко не восемнадцать лет. Мне кажется, что белая тафта на взрослой женщине выглядит смешно. Я думала о чем-нибудь красном, хорошо подходящем к моим

темным волосам, возможно, синем или даже зеленом, но Лариска упорно стояла на своем: платье невесты, независимо от возраста и занятия, должно быть только белым!

— Феерично! — авторитетно заявила Лариска, когда я в очередной раз вышла из примерочной, едва держась на ногах от усталости и еще от того, что каблуки на туфлях — единственной паре, подходящей к платью цвета слоновой кости, — оказались невероятно высокими.

— Просто отпад! — всплеснув руками, поддержала мою подругу продавщица: в устах этой женщины хорошо за пятьдесят слово «отпад» звучало несколько искусственно. Однако, глянув в зеркало в полный рост, я вынуждена была признать, что они обе правы.

— Это — из нашей последней коллекции, — продолжала продавщица, нарезая вокруг меня круги и время от времени тихонько ахая и качая головой, словно потрясенная моей неземной красотой. — Прибыло всего сутки назад, никто его еще не примерял, честное слово! Думаю, оно просто создано для вас!

Честно говоря, я сомневалась и до того, как позволила себе бросить взгляд на ценник, а уж теперь, с ужасом углядев количество нулей, сказала:

— Нет, думаю, это — слишком!

— Да ты что! — возмутилась Лариска, вскакивая с дивана: в отличие от меня, она прекрасно чувствовала себя на двенадцатисантиметровых шпильках. Думаю, она спокойно смогла бы пробежать в них кросс, потому что сроднилась с каблуками так давно, что я и не помнила ее без них. — Платье роскошное, ты в нем — просто королева!

Я попыталась скосить глаза так, чтобы Лариса поняла, что я недовольна не нарядом, а его стоимостью, однако подруга то ли не замечала моих мимических усилий, то ли просто не желала замечать.

— Не белое, заметьте, — почувствовав поддержку, вновь завелась продавщица, словно слова Лариски вдохнули в нее новую энергию. — Слоновая кость — самый модный оттенок в этом сезоне! И платье совсем не вычурное, потрясающе элегантно в своей простоте...

Она все трещала, а я смотрела на себя в зеркало и с грустью понимала, что больше всего на свете хочу именно это платье.

— Нет, — твердо сказала я, — мне это не подходит. Слишком дорого для одного дня в жизни!

— Что вы! — не сдавалась продавщица, почувствовав, что выгодная сделка ускользает у нее из рук. — Его можно носить как вечернее платье, и никто никогда не догадается, что когда-то оно было свадебным!

Я с тоской оглядела себя в высоком зеркале — с головы до ног. Из-под длинного подола изящно выглядывали носки туфель, а шелковистая, приятная на ощупь ткань окутывала колени, словно облако. Лиф красиво обрисовывал грудь, хотя в данный момент на мне отсутствовал поддерживающий бюстгальтер.

— Нитка жемчуга, — мечтательно пробормотала Лариса, глядя на меня, будто я торт, а она человек, находящийся на голодной диете. — И больше ни-че-го!

Развернувшись на каблуках, я понуро возвратилась в примерочную. Видит бог, как мне не хотелось снимать это платье и отдавать его продавщице!

— У нас есть еще несколько симпатичных фасонов, — решила снова попытать счастья продавщица. — Если вы пройдете...

— Нет, спасибо, — прервала я, рискуя показаться невежливой. — Не думаю, что сегодня у меня хватит сил еще на какие-то примерки. Возможно, в следующий раз, — добавила я, заметив огорчение женщины: в конце концов, она не виновата, что я не могу позволить себе потрясающий наряд!

Через двадцать минут, сидя в кафе недалеко от свадебного салона, мы с Лариской пили кофе, а она ругала меня на чем свет стоит.

— Ну ты даешь! — сердито пыхтела подруга, буравя меня своими голубыми глазами из-под тонких стекол очков. — Такое платье... Да неужели Шилов, узнав о том, сколько оно стоит, не согласился бы заплатить? Он человек небедный...

— Нет, Лариска, — перебила я, встряхнув головой, словно упрямая лошадь. — Я хочу купить платье сама! Шилову вообще необязательно его видеть до свадьбы — ты же знаешь, это плохая примета!

— Еще чего! — всплеснула руками Лариса. — То ей платье не по возрасту, то теперь она про приметы толкует, как будто ей восемнадцать лет!

— Ничего, куплю другое: это не единственное платье в мире!

— Единственное, которое так потрясающе тебе подходит, — возразила Лариска. — Есть вещи, в которых человек выглядит так, словно он в них родился, и это свадебное платье — как раз такое! В общем, как хочешь, но я просто уверена, что ты теперь будешь жалеть о нем до самой свадьбы, да и после...

Как будто я сама этого не знаю! Но я также знаю, что ни за что не могу позволить себе выложить поч-

ти двести тысяч за один раз, ведь предстоят еще и другие расходы.

Звонок моего мобильного прервал неприятный разговор. Высветившийся номер был мне знаком, и я тут же вспомнила, что, заполняя свадебные приглашения, нужно не забыть указать в них имя Люды Агеевой.

— Привет! — прозвучало в трубке приветствие. — Чем занята?

Я скороговоркой вывалила на собеседницу сильно сжатую версию происходящего.

— Ты тоже обязательно должна прийти, Людка! — закончила я свой краткий монолог. — Приглашение вышлю на днях.

— Это что, Мамочка?! — взвизгнула Лариса. — Передавай огромный привет!

Это действительно была именно Мамочка, другими словами, Люда Агеева, наша с Лариской институтская подруга. Прозвище Мамочка приклеилось к ней в первую очередь потому, что Люда была на курсе старше всех: нам, желторотым девчонкам, едва исполнилось по восемнадцать, а ей тогда уже перевалило за двадцать пять — ну просто старуха, как нам тогда казалось! Кроме того, она уже родила ребенка и именно поэтому так поздно поступила в медицинский.

Но Люду звали Мамочкой не только из-за возраста, но и из-за отношения к нам, почти материнского, ласково-снисходительного. Таких людей, как Мамочка, мало на этом свете: ее практически невозможно обидеть, она всегда готова помочь ближнему. Мы всем курсом бегали к Люде за советом, она утешала нас, вытирала мокрые носы и глаза, когда у нас случались неудачи, казавшиеся настоящими